

ГІСТОРЫЯ

13. Кежа, Ю.М. Скандынаўскія паралелі летапіснай легенды аб Уладзіміры і Рагнедзе / Ю.М. Кежа // Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі: «Полацк у гісторыі і культуры Еўропы», Полацк, 22 – 23 мая 2012. – Мінск: Беларуская навука, 2012. – С. 79 – 94.
14. Самонова, М.Н. Скандынавы на беларускіх землях в IX – X вв.: к постановке проблемы / М.Н. Самонова // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*: науч. сб. – Вып. 3. – Минск: РИВШ, 2010. – С. 16 – 29.
15. Рыбаков, Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории. / Б.А. Рыбаков. – 2-е изд. – М.: Мол. Гвардия, 1987. – 351 с., ил.
16. Текстология Древней Руси. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / сост. Ю.А. Артамонов. – М., 2007.
17. Дук, Д.В., Коц, А.Л. Новые археологические исследования на территории Заполоцкого посада древнего Полоцка / Д.В. Дук // *Stratum* – № 5. – 2013. – С. 83 – 90.
18. Белецкий, С.В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков / С.В. Белецкий // *Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской*. – С.-Петербург. – С. 243 – 319.
19. Русь в IX–XI веках : археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н.А. Макаров. – М.; Вологда: Древности Севера, 2012. – 496 с. : ил.
20. Белецкий, С.В. Ещё раз о «знаках Рюриковичей» и древнейшей русской геральдике / С.В. Белецкий // *Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX чтения памяти члена – корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто*, Москва, 16 – 18 апреля 2007 г. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН. – С. 15 – 20.
21. Янин, В.Л. Актовые печати Древней Руси X – XV вв. / В.Л. Янин. – М.: Наука, 1970. – 327 с.
22. Калечыц, І.Л. Эпіграфіка Беларусі X – XIV стст. / І.Л. Калечыц. – Мінск: Беларус. Навука, 2011. – 271 с.
23. Мельникова, Е.А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпритации. Тексты, перевод, комментарий / Е.А. Мельникова. – М.: Вост. лит. РАН, 2001. – 496 с.
24. Полное собрание русских летописей: Т. 13 Летописный сборник именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. – 308 с.
25. Турилов, А.А. Образ правителя в летописных “некрологах” XI – XIII вв. / А.А. Турилов // *Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70- летию Бориса Николаевича Флори*. Выпуск 12. – М.: Индрик, 2008. – 416 с., ил.
26. Кежа, Ю.М. Полацкая княжацкая дынастыя ў старажытнарускіх летапісных крыніцах / Ю.М. Кежа // *Актуальныя праблемы сацыяльна-гуманітарных навук: сб. науч. ст. Междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 100-летию МГУ им. А.А. Кулешова*. 18 – 19 апреля 2013 г. – С. 80 – 82.
27. Новікаў, Я.У. Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.). Том 2 / Я.У. Новікаў. – Мінск: Логвінаў, 2008. – 300 с.
28. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 576 с., ил.
29. Полное собрание русских летописей: Т. 2: Ипатьевская летопись. – СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. – 638 с.
30. Слово о полку Игореве / Вступит. ст., ред. текста, досл., и объяснит. перевод с древнерус., примеч., Д.С. Лихачёва. – 8-е изд. – М.: Дет. лит., 1979. – 221 с., ил.
31. Комлев, А.П. «Слово о полку Игореве». Замечки об исторических временах и лирических пространствах / А.П. Комлев, К.К. Белокуров // «Слово о полку Игореве». – Свердловск, 1985. – С. 207 – 210.
32. Саронне, Э.Т. Кто такой Изяслав Василькович «Слова о полку Игореве» / Э.Т. Саронне // *Книга и литература в культурном контексте*. – Новосибирск, 2003. – С. 75 – 79.

УДК 94:341.223.14(476)

**ОТНОШЕНИЕ ГОРОЖАН ПОЛОЦКА К «НОВОМУ ПОРЯДКУ»
В УСЛОВИЯХ УСТАНОВЛЕНИЯ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941 г.)
В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ**

канд. ист. наук, доц. А.И. КОРСАК

Полоцкий государственный университет, Новополоцк

Начало Великой Отечественной войны для мирного населения Беларуси было полной неожиданностью несмотря на упорно ходившие слухи о возможном вторжении Германии на территорию Советского Союза. В данной статье мы остановимся только на некоторых аспектах отношения местного населения к «новому порядку» нацистов – началу военных действий и появлению вермахта и оккупационных властей в городе (лето 1941 г.), положению военнопленных, уничтожению еврейского населения г. Полоцка и отношению к религии.

Теме отношения населения Беларуси к «новому порядку» в условиях нацистской оккупации в белорусской историографии на данном этапе ее развития посвящено небольшое количество исследований в отличие от западной, в частности, немецкой исторической науки. Если и есть публикации, то в основном они касаются в территориальном плане либо г. Минска, либо всей Беларуси.

В связи с этим исследование повседневности горожан провинциального города на примере Полоцка в 1941 – 1944 гг. представляется нам актуальным. Тем более, что отдельные работы по данной теме отсутствуют.

Для анализа событий периода оккупации гитлеровцами г. Полоцка были взяты неопубликованные послевоенные воспоминания участников подпольных организаций, а также очевидцев тех событий – жителей, не имевших отношения ни к подполью, ни к партизанскому движению, ни к коллаборации.

Описывая события 1941 – 1944 гг., исследователи опираются в основном на свидетельства «жертв» нацистского режима, соответственно несколько искажается восприятие повседневности в условиях военного времени. На наш взгляд, только в сравнении материала можно восстановить максимально реальную картину. Поэтому в статье использованы воспоминания одного из сотрудников коллаборационистского самоуправления г. Полоцка П. Ильинского [6], который не был связан с подпольем или партизанским движением и имел антикоммунистические настроения. Нельзя также сказать, что он был приверженцем и национал-социалистических идей. После войны возглавлял Русскую гимназию в Мюнхене, открытую 10 октября 1945 г. при благотворительной организации «Милосердный самарянин» [14].

Важно знать, что г. Полоцк в годы нацистской оккупации находился фактически на стыке нескольких зон: в административно-территориальном плане с сентября 1941 г. был в зоне тыла группы армий «Центр» под управлением М. фон Шенкендорфа и являлся пограничным с гражданской администрацией Генерального округа «Беларусь», а с 1942 г. на юге и севере были образованы Полоцко-Лепельская и Россонско-Освейская партизанские зоны. Соответственно, данное расположение имело влияние на настроение и положение полочан.

Полоцк был оккупирован по официальным данным 16 июля 1941 г. Согласно воспоминаниям самих горожан (в частности, участников военных действий в защите города в июне – июле 1941 г.), власть нацистов была установлена уже 15 июля 1941 г. [9, 15, 13].

Анализируя воспоминания очевидцев тех событий, практически все фиксируют наиболее запоминающийся момент – начало Великой Отечественной войны. По воспоминаниям Ф. Шупени (воспитательницы детского дома № 1 г. Полоцка): «21 июня, как сейчас помню, в детдоме был банный день. Все были полны радости, задора и веселья... На утро каждый по своим делам разошлись. Это было 22 июня. Я ушла в кассу рассчитаться за мытье детей. И вот здесь по радио объявили, что на Советский Союз напала Германия. Это было очень и очень трудно передать, какое волнение было среди народа» [3, Л. 56].

«...приехал воспитатель, очень расстроенный, и сказал, что война с Германией, все взрослые были очень расстроены. Лично я не понимала, почему так испугались войны, ведь была война с Финляндией и нам в детдоме все равно было хорошо жить, только немного меньше белых булок давали, – то же самое событие глазами ребенка, воспитанницы детского дома № 2 г. М. Прямовой. – Только тогда я поняла, что такое война, когда стали бомбить наш город, когда мы, дети, увидели убитых и раненных. Все из города куда-то спешили, уезжали, грузились на поезда, только про нас, детей, забыли. Про все детдома, которые находились в г. Полоцке» [2, Л. 88 – 90].

В работе И. Дейниса «Полоцкая даўніна», который еще в первые дни войны не был эвакуирован со многими жителями города в тыл и события июня 1941 г. происходили на его глазах, довольно точно подмечено настроение жителей в первые дни войны: «В воскресенье 22 июня 1941 г. стояла чудная погода и ничего не предвещало какой-либо опасности. Были открыты магазины, масса народа устремилась на базар, на улицах было оживленно. Вдруг часов в 11 обычная передача по радио прервана и стали передавать выступление Наркома иностранных дел Молотова о вероломном нападении Германии, о бомбежках наших городов, о боях на границе. У городских репродукторов собрались толпы народа, все были поражены этим сообщением, кто скорее отправился домой, кто стал обсуждать создавшееся положение. Многие говорили, что война будет короткой, 3 – 4 месяца, мы быстро разобьем врага, дальше укрепленной полосы его не пустят. Некоторые паникеры бросились в сберкассу выбирать деньги. Там создалась очередь, другие бросились в магазины покупать хлеб и другие продукты, особенно соль. Военнообязанные стали собираться в Армию» [4].

«На второй день тревожно, люди копают блиндажи, – по воспоминаниям Т. Владысенко. – На третий день самолеты бомбят уже городки в Боровухе. На станции Бобровка разрушен вокзал, убит рабочий. Это была первая смерть, которую я видела»².

² Записано от Т.Ф. Владысенко, 1932 г.р., г. Полоцк.

ГІСТОРЫЯ

Таким образом, для населения города было неожиданностью, перемешанной с чувством паники, не столько нападение вермахта на территорию Беларуси, сколько неподготовленность как самих горожан, так и учреждений к началу военных действий (не было планов эвакуации мирного населения, детских домов, за исключением некоторых инструкций по выводу из эксплуатации основных предприятий города). Особенно усилилось чувство страха и паники с налетом первых немецких бомбардировщиков, соответственно, с первыми ранеными и убитыми. «...город горел. Чтобы пройти по улице и не обжечься, приходилось выбирать место, куда бы стать ногой. То с одной стороны, то с другой стороны падали обгоревшие столбы с проводами. Лай собак, всевозможный визг скота» [3, Л. 56 – 58].

Тем не менее, бдительности население не теряло. Известно, что нацисты активно использовали диверсантов в достижении своей цели – «блицкрига». Так, одна из жен командиров «задержала диверсанта в форме милиционера, когда последний зашел в магазин и стал в очередь за покупкой продуктов. Обычно милиционеры в обычных магазинах не покупали продукты, т.к. в милиции был свой закрытый магазин. Это показалось женщине подозрительным, а когда она посмотрела на материал гимнастерки, то сразу увидела, что это не наш материал и не та ткань. Она вышла и позвала военный патруль. Патруль обезоружил милиционера и доставил в особый отдел, где быстро установили, что это действительно диверсант» [4, Л. 174].

После ухода регулярных частей вермахта в городе была установлена военная администрация во главе с управляющим района Шефером («среднего роста темноволосый офицер средних лет») [9, Л. 7], о чем свидетельствуют различные распоряжения за его подписью [10]. Из числа учреждений самоуправления были созданы и районная, и городская управы. Исходя из анализа воспоминаний, очевидцы событий не совсем разграничивали между собой эти две структуры, соответственно одна и та же фамилия имела по разным данным отношение то к районной, то к городской управе. Ясность в этом вопросе помогают внести архивные документы. Так, первым главой районной управы был назначен некто Кичко (до декабря 1941 г.) [4, Л. 185; 9, Л. 7], вторым – Петровский (декабрь 1941 г. – 16 марта 1942 г.) [11], последним – Бушунов (с 16 марта 1942 г. – по 1944 г.) [12]. Что касается управляющих городской управы, то здесь дело обстоит немного хуже. Фактически архивных документов не сохранилось, а по свидетельствам очевидцев бургомистром г. Полоцка был некто Михайлов. Термин его руководства и деятельность городской управы на данный момент установить не представляется возможным и требует отдельного исследования.

«Начальником полиции (городской – авт.) немцы назначили только что вернувшегося из тюрьмы, еще совсем молодого (думаю, ему было 22 – 23 года) Альберта Обуховича, – по воспоминаниям И. Маниса. – Враг не ошибся в своем выборе – Обухович ненавидел Советский Союз. Он стал надежным псом у фашистов. Это был злой и опасный пес. В полицию вступили разные отбросы из числа бывших уголовников, бывших кулацких сынков и хулиганов» [9, Л. 8]. Во главе районной полиции был поставлен Медведев. Согласно дошедшим до нас архивным документам, практически на протяжении всего периода нацистской оккупации Полоцка на этих двух должностях начальство не менялось. Останавливаться отдельно на каждой из должностей в учреждениях самоуправления в данной статье мы не будем.

Параллельно процессу установления системы органов военного управления и самоуправления в Полоцке шла регистрация горожан и выдача новых документов. Согласно свидетельствованию Доморацкого: «В начале августа 1941 г. я как-то очутился на улице Фрунзе в районе Мясокомбината. В это время полицейские и немцы сгоняли народ для регистрации. Регистрация производилась на улице. За столом сидел и вел регистрацию бывший мой учитель Сафронович (в Районной управе возглавлял отдел народного образования – авт.)» [5, Л. 125]. «Тех, у кого не было документов, могли забрать при первой проверке на улице» [9, Л. 7].

С установление оккупационных органов власти и с проведением в жизнь первых приказов настроение у горожан изменилось – «было подавленным, царил растерянность, угнетенность. Люди боялись доверять друг другу. Каждый ставит перед собой вопрос относительно другого: кто ты? С кем ты? Все расслоилось. Большинство молчало, ушло в себя. Замкнулось. Абсолютное большинство считало: «это ненадолго», «наши скоро прогонят немцев назад». Но были и такие, кто по разным причинам был недоволен советской властью» [9, Л. 7]. Следует отметить, что все вышеперечисленные вопросы ставили перед собой в основном оказавшиеся в условиях оккупации бывшие военные, целью которых являлась организация подпольной работы либо поиск выхода на партизан. Поэтому понятна подозрительность ко всем, т.к. немцы активно использовали так называемых «провокаторов» для выявления враждебных нацистскому режиму.

Что касается обычных жителей, особенно женщин с детьми на руках, оставшихся без мужей, то для них главным было решение экономических задач (как и чем накормить свою семью). «Вместе с братьями

всегда ждали маму. Она работала на кухне в больнице». – Вспоминает М. Пухова. – «Каждый вечер она давала нам немного маргарина и повидла. Это были настоящие лакомства, т.к. в основном семья питалась супом из свеклы и кашей из тыквы»³. Для данной категории населения, главным было – выжить и сохранить жизнь своим детям. Они, как правило, не принимали активного участие в сопротивлении.

После событий о начале Великой Отечественной войны важным моментом в воспоминаниях очевидцев является отношение немцев к военнопленным и еврейскому населению города.

В Полоцке и его пригородах было несколько типов концентрационных лагерей: транзитные, или пересыльные, лагеря (дулаги) № 125 в Полоцке и № 155 в Боровухе; стационарные лагеря – лагеря для рядового и сержантского состава (шталаги) № 354 в Полоцке и в Боровухе-1, 2, 3 [8, с. 15].

Так как вышеперечисленные концентрационные лагеря находились на тот момент в пригороде и особенно тщательно охранялись, то фактически доступа к ним у местного населения не было. Несмотря на то, что режим в концлагерях был ориентирован на медленную голодную смерть, некоторые заключенные имели возможность работать, в т.ч. и на железной дороге. Соответственно, питание, если можно так сказать, было несколько лучшим, чем в границах концлагеря.

Что касается раненных и больных военнопленных, то они направлялись в так называемый «оздоровительный лагерь» – здания Народной («Красной») больницы. Их положение было удручающим. «Вот здесь я увидел не оздоровительный лагерь, а лагерь смерти». – Отмечает в своих воспоминаниях Н. Ванюшин. – «Люди гибли здесь сотнями ежедневно. Каждый день привозили из лагерей военнопленных (из Боровухи) по нескольку автомашин пленных, опухших от голода и тут же они умирали. Людьми и трупами были завалены все коридоры. Трупы лежали здесь по нескольку дней» [1, Л. 2 – 3].

Работники больницы, а также местное население, старались всеми возможными способами облегчить участь раненных и больных военнопленных. «Через посещающих женщин и посетителей к ним я знала хорошо все то, что творили оккупанты. Благодаря такой моей работе я могла хорошо знать настроения и мысли выздоравливающих военнопленных, беседовать с ними и искать пути их освобождения» [7, Л. 100].

Вторым моментом, изменившим первоначальное отношение местного населения к немцам, было проведение реализации «окончательного решения» еврейского вопроса на территориях бывшего Советского Союза. П. Ильинский, анализируя ход событий периода оккупации города в своих воспоминаниях, говорит о том, что «крайне тягостным для всех впечатлением была непостижимая в своей жестокости и бессмысленности массовая расправа с евреями. Фронтовые части не проявили к евреям ни особого интереса, ни заметной враждебности... И вдруг, недели две или три спустя после этого, как гром из ясного неба, появился приказ о создании гетто! И этот приказ, и все дальнейшее, что за ним последовало, вызвало волну глубочайшего негодования и открытого протеста абсолютно во всех слоях населения... каждый думал, что если немцы могли поступать так с евреями, то им ничего не помешает при случае поступить также и со всеми другими» [6, с. 50]. Практически все имеющиеся в нашем распоряжении материалы подтверждают данный факт – многие просто констатируют его, но не всегда дают ему оценку.

В воспоминаниях горожан уделено внимание и отношению немецкой власти к религии. Известно, что при советском правительстве запрещалась деятельность церкви независимо от конфессиональной принадлежности последней. Многие храмы были переданы под магазины, клубы, кинотеатры и т.д. «Как ни странно, с приходом немцев открылись все уцелевшие церкви в нашем городе. При входе стояли немцы с бляхами на груди, с автоматами наперевес и приглашали заходить со словами «бите, фрау». Мы, конечно, заходили, рассматривали иконы и кресты на стенах. Моя мама, как человек верующий, никогда не запрещала эти походы в церковь»⁴. Таким образом, немецко-фашистские оккупационные власти пытались сыграть на религиозных чувствах верующих горожан и тем самым максимально лояльно настроить население по отношению к себе.

Повседневная жизнь в условиях военного времени, и не только, является многофакторным образованием. С одной стороны, действия оккупационных структур, направленные на «улучшение» жизни горожан, с другой – отношение к военнопленным и евреям, что непосредственно влияло на взаимоотношения местного населения к «новому порядку».

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания Ванюшина Н.П. // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1164. – Оп. 11. – Д. 40. – Л. 1 – 14.
2. Воспоминания Прямовой М.И. // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1164. – Оп. 11. – Д. 40. – Л. 88 – 94 об.

³ Записано Е. Богданович от М.В. Пуховой в 2010 г.

⁴ Записано В. Сальниковым от Е.М. Сальниковой 1930 г.р. в 2010 г.

ГІСТОРЫЯ

3. Воспоминания Шупени (Лобановой) Феноиды Филипповны // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1164. – Оп. 11. – Д. 40. – Л. 55 – 72.
4. Дейнис, И.П. Полоцк в XX веке (1905 – 1067 гг.) / И.П. Дейнис // Нац. Полоцк. ист.-культур. музей-заповедник. – КП – S 2774.
5. Доморацкий. 1967 г. // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1164. – Оп. 11. – Д. 41. – Л. 125 – 126.
6. Ильинский, П.Д. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии / П.Д. Ильинский // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы: ист.-док. сб. / сост. К.М. Александров. – СПб.: Скрипториум, 2011. – С. 49 – 139.
7. Крупина, И. Воспоминания от 14 апреля 1967 г. // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1164. – Оп. 11. – Д. 41. – С. 100 – 101.
8. Лагерь советских военнопленных в Беларуси – Lager sowjetischer Kriegsgefangener in Belarus, 1941 – 1944: справочник / авт.-сост. В.И. Адамушко [и др.]; редкол. В.И. Адамушко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: НАРБ, 2004. – С. 15.
9. Манис, И. О себе и о товарищах по совместной борьбе с гитлеровскими оккупантами в первый год войны / И. Манис // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1164. – Оп. 25. – Д. 2.
10. Приказы, распоряжения, отношения и др. ВИ-КО Витебск и руководителя уездной управы // Гос. архив Витебск. обл. – Ф. 2825. – Оп. 1. – Д. 1.
11. Приказы, распоряжения и указания Полоцкой райуправы // Гос. архив Витебск. обл. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 1.
12. Приказы, распоряжения и указания Полоцкой райуправы // Гос. архив Витебск. обл. – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 2.
13. Рукопись воспоминаний Попова Селивестра Гавриловича // Личный архив автора.
14. Русская гимназия в Мюнхене в 1940-х гг. – Режим доступа: <http://www.dorogadomoj.com/dr652sam.html>.
15. Шенделев В.К. // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1164. – Оп. 11. – Д. 41. – Л. 118.

УДК 352.075.2

КАНФЕСІЙНЫ СКЛАД ПОЛАЦКАГА МАГІСТРАТА Ё XVII – XVIII стст.

канд. гіст. навук М.М. МАКАРАЎ

Навукова-тэхналагічны парк БНТУ “Палітэхнік”, Мінск

У артыкуле разглядаецца канфесійны склад органаў месцага самакіравання Полацка ў XVII – XVIII стст. У 1633 г. праслаўныя палачане былі пазбаўлены магчымасці займаць пасады мескіх ураднікаў і да канца чэрвеня 1654 г. у магістраце засядалі толькі каталікі і уніяты. Вяртанне праслаўных ураднікаў у склад магістрата адбылося паміж 1707 і 1709 гг.

У эпоху Сярэднявечча і ранняга Новага Часу ўдзел прадстаўніцтва той ці іншай канфесійнай групы насельніцтва ў складзе органаў улады быў важным паказчыкам таго, якое месца гэта група займае ў жыцці грамадства ці яго пэўнай структурнай адзінкі. Таму, для гісторыі Паўночнай Беларусі, дзе ў азначаную эпоху мела месца супрацьстаянне розных хрысціянскіх цэркваў, вывучэнне складу органаў улад, што функцыянавалі на гэтай тэрыторыі, мае дастаткова актуальны характар. Паспрабуем прасачыць, якім быў канфесійны склад органаў месцага самакіравання Полацка ў XVII – XVIII стст.

Згодна з пастановамі прывілеяў на магдэбургскае права 1498 і 1509 гг. полацкі магістрат з самага пачатку будаваўся на прынцыпах канфесійнага дуалізма пры роўным удзеле асоб каталіцкага і праслаўнага веравызнанняў [11. Т. 2. С. 156 – 157; 11. Т. 3. С. 60]. У пацвярдзальным прывілеі Стафана Баторыя 1580 г. пытанне суадносінаў “рымскай” і “рускай” (“грэчаскай”) частак полацкага магістрата не закранаецца, што дазваляе меркаваць пра захаванне ўладамі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XVI – пачатку XVII стст. ранейшых падыходаў да гэтага пытання [8, спр. 63, арк. 279 адв. – 280].

Аднак, на практыцы пасля 1580 г., у сувязі з увядзеннем у выбарнасці вышэйшых ураднікаў магістрата, сітуацыя ў пераважна праслаўным Полацку магла значна адрознівацца ад стандарта, зацверджанага прававымі актамі. Неабходна адзначыць, што ў канцы XVI – пачатку XVII стст. Выбары “рымскай” і “рускай” частак полацкага магістрата ажыццяўляліся не па-асобку – пры выключным удзеле прадстаўнікоў адпаведнай канфесіі, а сумесна – пры удзеле ўсёй масы мяшчан. Карыстаючыся гэтай сістэмай, праслаўная большасць наўмысна абірала ў склад магістрата няпоўную колькасць самых няздольных каталікоў, чым эфектыўна паралізавала дзейнасць каталіцкага лоббі. 5 лютага 1611 г. перад судом Жыгімонта Вазы полацкія каталікі абвінавачвалі праслаўных ураднікаў і мяшчан у тым, што яны “pluralitate głosow ... miasto catolikow inszego nabozenstwa ludzi obieraia, a iesli kiedy catolika albo kilku mianuia, tedy to tylko pro forma czynia i, godnieiszych omiaiac, tych, ktorzy nie sa sposobni na urzedy mianuia, aby przy niesposobnych catolikach i niezupelney liczbie ich sami wszystkim wladneli i rzadzili”. Каталікі прасілі караля, каб ён дазволіў ім абіраць “рымскую” палову магістрата без удзела праслаўных, “gdyz inszych głosow zawsze więcey będzie”, і каб “koho catolicy sposzrodku siebie zgodnie mianować u obierać będą, aby ci byli na urzedy przekładani” [8, спр. 292, арк. 261 – 262 адв.]. Сваім дэкрэтам Жыгімонт Ваза